

Вера Вольф

A romantic couple with a young girl in a city at night. The man, with dark hair and a beard, is wearing a dark suit and a watch. The woman has long brown hair and is wearing a white dress. They are both looking at each other and smiling. A young girl with blonde hair in a pink dress is sitting between them, looking at the camera. The background shows a city skyline at night with many lights.

ЖЕНА ДЬЯВОЛА

Вера Вольф

Жена дьявола

Серия «Контракт с дьяволом», книга 2

<https://litres.ru/74685432>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда-то Алина Скворцова стала женой властного миллиардера Руслана Астахова по контракту. Но договор давно уничтожен, а их любовь подарила им настоящую семью и маленькую дочь.

Теперь Алина мечтает построить собственное дело и доказать, что способна добиться успеха без влияния мужа. Только Руслан привык контролировать всё, особенно когда речь идёт о любимых.

А когда в их жизни появляется женщина из его прошлого, доверие супругов подвергается новому испытанию.

Сумеет ли дьявол отпустить контроль ради любви? И сможет ли Алина остаться собой рядом с мужчиной, который привык получать всё?

Ведь стать женой дьявола — одно. А научиться быть с ним на равных — совсем другое.

Содержание

Глава 1. Без него	4
Глава 2. Моя территория	18
Глава 3. Первый заказ	24
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Жена дьявола

Глава 1. Без него

Солнце бьёт в лицо — сквозь шторы, которые я забыла задёрнуть вчера, сквозь ресницы, сквозь сон, который ещё не отпустил. Я тянусь рукой в сторону, ищу его тепло, и нахожу только остывшую простыню и вмятину на подушке. Он уже встал. Конечно, он уже встал.

И Мила уже не спит.

Её голос — требовательный, звонкий, с ноткой, которая не терпит возражений, — доносится из кухни. Я знаю этот тон. Это не просто «я проснулась». Это «я требую завтрак, и немедленно».

Встаю. Натягиваю халат, не застёгивая его до конца, и иду на звук. В коридоре ещё пахнет им — гель для бритья, что-то тёплое, своё, — и я ловлю себя на том, что вдыхаю с наслаждением.

Картина стоит того, чтобы проснуться в шесть утра.

Руслан Астахов. Миллиардер. Человек, который одним звонком двигает рынки. Стоит у плиты в домашней футболке и спортивных штанах. В одной руке — тарелка с кашей. В другой — ложка. На лице — выражение человека, который только что проиграл войну. Мила сидит в высоком стульчике, щёки в каше, руки в каше, волосы в каше, даже брови

в каше. Она смотрит на отца так, как смотрят на человека, который пока не понял, с кем имеет дело.

— Не хочет есть, — говорит он, не оборачиваясь. Голос звучит так, будто он докладывает о провале переговоров.

Я подхожу сзади, кладу ладонь ему на спину — между лопаток, туда, где футболка тёплая от плиты, — и он на секунду замирает, прежде чем повернуть голову.

— Она не хочет есть из ложки, которую держишь ты.

Забираю тарелку. Мила тянет ко мне руки — липкие, радостные, размазанные по всему, до чего дотянулась.

— Она хочет сама.

— Ей год.

— И?

Он поворачивается ко мне. Смотрит. Что-то в его взгляде меняется — не понимание, но фиксация: он услышал не только про Милу. Его рука ложится мне на талию, большой палец — на край халата, и это движение такое привычное, что я почти не замечаю, как он притягивает меня ближе. Почти.

— Ты колдунья, — говорит он тихо, и от того, как он это говорит, у меня внутри становится тепло.

— Я мать. Это одно и то же.

Он усмехается. Наклоняется и целует меня в висок — коротко, но его губы задерживаются на секунду дольше, и я чувствую их тепло, когда он отстраняется. Опирается бедром о столешницу. Складки на лбу разглаживаются. В этом

свете — утреннем, мягком, проходящем сквозь незанавешенное окно — он выглядит почти расслабленным.

Почти.

Я знаю этот взгляд. Уже собранный. Уже там, за дверью, в машине, в переговорной.

— Кофе? — спрашивает он.

— Ты ещё здесь?

— Пока да.

Он наливает мне чашку. Ставит передо мной. Пальцы на секунду задерживаются на моём плече — тепло, тяжело, — и скользят вниз по руке, к запястью. Я смотрю на его руку, на свои пальцы рядом, и думаю, что могла бы остаться так. Мила стучит ложкой по столу. Каша летит во все стороны. Уголок рта дёргается сам.

Всё так, как я хотела. Утро. Семья. Обычная жизнь.

Только вот эта мысль — «обычная» — застревает где-то в груди. Потому что я знаю: через десять минут он уедет. И я останусь здесь. С Милой. С кашей. С этим утром, которое повторяется каждый день.

Я люблю их. Обоих. Это не мешает мне хотеть своего.

И когда я смотрю на телефон — на заметки, которые храню уже полгода, на фотографии интерьеров, на наброски концепций, которые рисую ночью, когда Мила спит, — я чувствую, что это не вся я.

Руслан допивает кофе. Смотрит на часы. Потом на меня — и в этом взгляде есть что-то, от чего у меня пересыхает

во рту, хотя я всего лишь стою у стола в халате.

— Я позвоню, как освобожусь.

Киваю.

Он целует Милу в макушку. Меня — в висок, и снова его губы задерживаются. Я поднимаю голову, и он целует меня уже по-настоящему — коротко, но так, что я чувствую его всего, и на секунду забываю, что он уходит. Потом отпускает. Смотрит на меня.

— Руслан.

Он поднимает голову.

— Я хочу открыть студию.

Пауза. Короткая. Он не удивлён. Он вообще редко удивляется.

— Какую студию?

— Декора. Оформление мероприятий. Свадьбы, презентации, частные ужины. Я думала об этом полгода.

Он ставит ключи на стол. Смотрит на меня внимательно, серьёзно. Я знаю этот взгляд. Сейчас он будет решать.

— Хорошо. Давай обсудим.

— Я не прошу денег.

— Слышал. Но давай хотя бы посчитаем.

Он садится напротив, отодвигает Милину тарелку, достаёт телефон. И начинает считать — вслух, ровно, как человек, который привык, что всё можно измерить. Аренда, ремонт, оборудование, персонал. Я слушаю и чувствую, как между нами растёт расстояние, хотя он сидит в двух шагах.

— Я хочу начать с малого, — говорю я.

— С малого — это двести тысяч стартового капитала. Если без кредита.

— У меня есть накопления.

— Тридцать тысяч?

Я молчу.

— Алина.

— Я знаю, что это мало. Но я не хочу начинать с твоих денег.

— Почему?

— Потому что это не мой бизнес. Это будет твой бизнес, который я веду.

Он смотрит на меня. Долго. Потом откладывает телефон.

— Я не понимаю разницы.

— Разница в том, что ты уже решил, сколько нужно. Ты уже посчитал. Ты уже знаешь, как это должно работать. А я ещё даже не выбрала помещение.

— Я просто хочу помочь.

— Я знаю.

— Тогда в чём проблема?

Проблема в том, что я не просила его считать. Я просила его услышать.

— Дай мне хотя бы самой найти помещение.

— Хорошо.

Слишком быстро. Слишком легко. Он встаёт, подходит, и я думаю, что сейчас он скажет что-то ещё, но он просто

касается губами моего виска — и уходит. Дверь закрывается.

Я остаюсь одна. С Милой. С кашей. С телефоном, на котором открыта записка.

«Студия декора. Концепция. Первый шаг.»

Тридцать тысяч. Это не старт. Но это мои деньги. Моё решение. Мой первый шаг.

Потому что если я начну с его денег — я никогда не узнаю, могу ли сама.

Телефон в руке. Экран горит от количества открытых вкладок.

«Аренда помещений Москва. До 50 тысяч. Студия декора. Первый шаг.»

Я листаю объявления. Большинство — клетушки без окон. Подвалы. Комнаты, где даже стены кривые. Пальцы замирают на одном.

«Сдаётся помещение 25 кв. м. Первомайская. Светлое. Отдельный вход. 45 000 в месяц.»

Фотографии — любительские, снятые на дешёвый телефон. Но я вижу: высокие потолки. Окно в полстены. Белые стены — не идеальные, но живые.

Набираю номер.

— Алло?

Голос женский. Усталый. Без приветствия.

— Здравствуйте. Я по поводу помещения на Первомайской.

— Смотрите сегодня. В четыре. Адрес в объявлении.
Короткие гудки.

Я смотрю на экран. Просто взять и поехать. Мысль странная. Пальцы на ключах сжимаются сами. Раньше каждое моё решение проходило через фильтр: «а что скажет он», «а не помешает ли это ему», «а не слишком ли я много прошу». Сейчас я просто держу адрес в телефоне. И решаю ехать.

Открываю заметку с бюджетом. Тридцать тысяч. Аренда — сорок пять. Плюс залог — ещё сорок пять. Плюс коммуналка. Плюс материалы. Цифры не сходятся. Я знаю это. Я считала три раза.

Но если не начать сейчас — не начну никогда.

Я беру блокнот. Ручку. Рисую таблицу. «Аренда — 45 000. Залог — 45 000. Итого — 90 000. У меня — 30 000. Разница — 60 000.»

Шестьдесят тысяч. Я смотрю на цифры. Они не двигаются. Они просто есть.

Можно взять кредит. Можно попросить у Руслана. Можно отложить на полгода. Или можно начать с того, что есть. Найти помещение дешевле. Договориться об аренде с отсрочкой. Взять первый заказ и работать из дома.

Я закрываю блокнот. Смотрю на часы. Я не спрашиваю разрешения. Не жду, что кто-то организует всё за меня. Просто беру ключи. Кладу в сумку блокнот. И выхожу.

Дом на Первомайской оказывается старым, с облупив-

шейся краской на фасаде и высокими окнами первого этажа. Я нахожу нужное — угловое, с отдельным входом. Внутрь не захожу: дверь заперта, на стекле — номер телефона, который я уже набрала. Заглядываю в окно. Стекло холодное под ладонью. Мутное, но видно: потолки высокие, окно в полстены — то самое, с фотографии, — заливают пол белым светом. Стены кривоватые, но живые. Пусто. Ни мебели, ни людей.

— Смотрите?

Я оборачиваюсь. Женщина лет пятидесяти, в куртке поверх домашнего, с сигаретой.

— Смотрю, — говорю я. — Внутрь пустите?

— Сегодня не могу. Ключи у сына, он до вечера на работе. — Она затягивается. Дым идёт в мою сторону, горький, дешёвый. — Но вы не первая. Утром мужчина приходил, тоже смотрел. Сказал, если понравится — залог внесёт сразу.

Я смотрю на окно. Свет. Потолок. Окно. Ремонт — косметический, но своими руками можно.

— Сколько вы хотите залога?

— Половину. Двадцать две.

У меня тридцать. Я считаю в голове: двадцать две залога, аренда за первый месяц — сорок пять. Не хватает.

— А если я внесу тридцать сейчас и остальное — с первого заказа?

Она смотрит на меня. Долго. Потом тушит сигарету о пеприлу.

— Завтра в десять приходите. Посмотрите внутри. Если

понравится — поговорим.

Я киваю. Отхожу от окна. Двадцать две тысячи залога. Сорок пять — аренда. У меня тридцать. И один мужчина, который уже готов внести больше. Я иду к машине и считаю: где взять ещё пятнадцать тысяч и не попросить их у мужа.

Солнце уже село, когда я возвращаюсь домой. В прихожей горит свет. Пахнет его кофе — тот же, что утром, но уже остывший. Из гостиной — голос Руслана. Он говорит по телефону. Деловой. Короткий. Я снимаю кроссовки и слышу, как он заканчивает разговор.

— Да. Завтра. Всё.

Он выходит в коридор. Смотрит на меня. Взгляд цепляется за блокнот в моей руке.

— Ну?

— Что «ну»?

— Ты ездила.

— Да. Смотрела помещение.

— И?

— И ничего. Обычное помещение. Требуется ремонт.

Он молчит. Ждёт. Я знаю это молчание. Он даёт мне пространство — до определённого момента. Потом подходит ближе. Берёт меня за руку — не резко, но так, что я чувствую его пальцы на своём запястье, — и притягивает к себе. Я стою близко, чувствую запах его рубашки, и на секунду мне хочется просто прижаться лбом к его груди и не говорить ни

о чём.

— Ты посмотрела варианты, которые я скидывал?

— Руслан.

— Я просто спрашиваю.

— Я видела.

— И?

Я отстраняюсь. Ставлю блокнот на тумбу. Поворачиваюсь к нему.

— И я хочу сначала оценить то, что нашла сама.

— Я не против. Но давай хотя бы обсудим.

— Ты или я?

Он чуть склоняет голову. Укол дошёл. Он подходит ещё на шаг, и теперь между нами нет расстояния — только воздух, который я чувствую кожей.

— Помещение. Договор. Арендодателя. Риски.

— Ты не нападаешь. Ты просто идёшь. — Я смотрю ему в глаза. — И я вижу, что ты искренне считаешь, что помогаешь.

— Алина. Я не пытаюсь решить за тебя. Я просто хочу, чтобы ты не потеряла деньги.

— Какие деньги? У меня их нет. Я ничего не теряю.

— Ты теряешь время. И возможность.

— Возможность — это моё дело.

Он смотрит на меня. Молча. Сдерживается — я вижу по тому, как он выбирает слова.

— Я не говорю, что ты не справишься. Я говорю, что есть

вещи, которые я знаю лучше. Договоры. Подводные камни. Люди, которые сдают помещения за пятьдесят, когда рыночная цена — сто двадцать.

— Может, это просто везение.

— Может. А может, проблема.

Я сжимаю край блокнота. Не злость. Усталость. Потому что мы говорим об одном и том же, но на разных языках.

— Руслан. Я не просила тебя покупать мне бизнес.

— Я знаю.

— Я боюсь, что ты ошибешься. И я не смогу это исправить.

— Ты всегда можешь исправить. Ты же Руслан Астахов.

— Это не смешно.

— А я не смеюсь.

Мы стоим друг напротив друга. Между нами — коридор. Три шага. И стена. Он делает шаг ко мне и касается моего лица — ладонь тёплая, шершавая, — и я на секунду закрываю глаза, потому что устала держать оборону. Он наклоняется и целует меня — сначала в уголок рта, потом по-настоящему, и я отвечаю, потому что это проще, чем спорить, и потому что я соскучилась по нему за день. Его рука скользит по моей спине, под футболку, и я чувствую его ладонь на коже.

— Я не против твоего бизнеса, — говорит он тихо, между поцелуями. — Я просто хочу, чтобы он был безопасным.

— Безопасного бизнеса не бывает.

— Я знаю. Но можно хотя бы снизить риски.

— Можно. Но это будет твой бизнес. С твоими рисками. С твоими решениями.

— Алина.

— Нет. Ты послушай. — Я отстраняюсь, но не отхожу. — Я хочу сделать это сама. Не потому, что я не доверяю тебе. А потому, что я хочу знать, что могу.

Он смотрит на меня. И я вижу: он понимает. Не соглашается. Но понимает.

— Хорошо, — говорит он. — Но если что-то пойдёт не так...

— Да, да, да.

Он кивает. Медленно. Будто через силу. Потом снова притягивает меня к себе — и на этот раз поцелуй другой: глубже, настойчивее, и я чувствую, как его руки на моей спине сжимаются, и как мои пальцы сами цепляются за его рубашку. Мы добираемся до спальни, не размыкая рук, и на минуту всё исчезает — помещение, залог, цифры, — остаётся только он, его дыхание у моего виска, его руки, которые знают меня наизусть.

Позже, когда мы лежим рядом и его дыхание становится ровнее, я кладу ладонь ему на грудь.

— Завтра в десять я еду на просмотр.

— Я могу подвезти.

— Я знаю. Но я поеду сама.

Он молчит. Секунда. Две. Три.

— Хорошо.

Я поворачиваю голову. В темноте я вижу только его профиль.

— Ты не отменишь встречу, — говорю я. — Даже если предложишь готовое решение.

— Я не предлагаю.

— Ты думаешь об этом.

Он улыбается. Криво. Устало.

— Ты слишком хорошо меня знаешь.

— Это проблема?

— Нет. Это просто факт.

Он целует меня в плечо и встаёт. Уходит в гостиную. Я остаюсь в спальне. С решением, которое приняла сама. Завтра в десять. Я поеду. Посмотрю. Решу. Без него.

Телефон на тумбе вздрагивает. Экран бьёт белым в темноте. Арендодательница.

«Извините, что поздно. Тот мужчина, который утром смотрел, сказал, что завтра привезёт залог. Если вы тоже хотите — приходите к десяти. Кто первый, того и помещение».

Я смотрю на экран. Завтра в десять — и он тоже. Значит, у меня одна ночь, чтобы решить. Набираю ответ.

«Буду в десять».

И иду в гостиную. Руслан уже там, смотрит на меня поверх телефона.

— Что-то случилось?

— Нет, — говорю я. — Просто завтра в десять — просмотр. И ещё один желающий.

Он молчит. Я вижу, как он сдерживает готовое решение.

— Хочешь, я...

— Нет, — говорю я. — Я справлюсь.

И впервые за день он не отвечает сразу. Просто смотрит. А я стою в дверях, чувствую на коже его взгляд и своё собственное тепло — и понимаю, что завтра в десять я пойду туда не как жена Астахова, а как Алина Скворцова, у которой есть тридцать тысяч, адрес в телефоне и решение, которое она приняла сама.

Глава 2. Моя территория

Дверь открывается раньше, чем я успеваю нажать звонок. Арендодательница — та же женщина, что вчера, в той же куртке поверх домашнего, только без сигареты. Вместо неё — связка ключей в руке.

— Заходите, — говорит она. — Только осторожно, там проводка старая.

Переступаю порог. Пол под каблуками деревянный, старый, скрипит в одном месте, у самого входа.

Пахнет пылью и чем-то ещё — лаком, деревом, чужими вещами, которые здесь когда-то были. Делаю шаг, другой. Звук гулкий, пустой. Здесь давно никого не было.

— Мужчина приходил, — говорит арендодательница, закрывая дверь. — В девять. Быстро посмотрел, сказал, что нравится. Обещал залог к полудню привезти. Так что у вас, считайте, два часа.

Два часа.

Киваю. Иду вглубь.

Окно в полстены. Свет заливает пол широкой полосой. Белый, чистый. Не такой, как на фотографиях в объявлении. Живой.

Стою в этой полосе. Тепло растекается по плечам. Солнце. Настоящее. Не лампа, не витрина. Просто солнце.

Стены кривоватые. Не идеальные. Но живые. Провожу ла-

донью по одной — штукатурка шершавая, осыпается под пальцами. Здесь можно всё исправить. Нужно только время и руки.

— Ремонт нужен, — говорит арендодательница. — Но косметический. Стены выровнять, пол поменять, проводку проверить. Месяц работы — и будет конфетка.

Оборачиваюсь.

— А если я захочу стены перекрасить? Не белые. Другие.

— Красьте. Только потом вернуть в исходный вид, если съедете. Это в договоре.

— А срок аренды?

— Год. Можно продлить. Если без проблем.

— Коммунальные?

— Отдельно. Зимой дороже.

— А если я захочу расторгнуть раньше?

Она смотрит на меня. Долго. Потом говорит:

— За месяц предупредите. И залог не верну.

Она молчит. Смотрит на окно. Потом на меня.

— Мужчина обещал полный залог.

— Я знаю.

— Но вы первая пришли.

Не знаю, что это значит. Может, ничего. Может, всё.

— У вас времени до полудня. Если он привезёт деньги — отдам ему. Если нет — вам.

— Хорошо. Пришлите проект договора. Я посмотрю.

— Вечером скину.

Выхожу на улицу. Солнце бьёт в лицо. Щурюсь. Достая телефон. Там сообщение от Руслана: «Как прошло?»

Смотрю на экран. Думаю. Потом набираю: «Нормально. Позже расскажу».

И иду к машине.

Офис Руслана — это стекло и воздух. Стены прозрачные, окна от пола до потолка, город внизу такой маленький, что кажется игрушечным. Прохожу через приёмную, киваю секретарше, иду по коридору. Каблуки стучат по мрамору. Звук другой — не гулкий, а чёткий, дорогой.

Он стоит у стола. На столе — планшет. Поворачивает его ко мне.

— Смотри, — говорит он. — Это в центре. Двести квадратных. Ремонт уже сделан. Охрана, парковка, переговорная. Аренда — двести в месяц. Я готов оплатить.

Смотрю на фотографии. Белые стены. Мрамор. Свет. Всё идеально. И всё чужое.

— Красиво, — говорю я.

— Это лучшее, что есть на рынке. Я уже всё выяснил. Тебе останется только войти.

Отвожу взгляд от планшета. Смотрю на него. Он стоит, уверенный, ждёт благодарности. Или согласия. Или чего-то ещё.

— Я не хочу начинать с этого.

Он поднимает бровь.

— Почему?

— Потому что это не моё. Это твоё. Ты уже всё решил. Ты уже посчитал. Ты уже знаешь, как это должно работать. Он кладёт планшет на стол.

— Я просто хочу помочь.

— Я знаю. Но помощь и решение — разные вещи.

Он молчит. Потом говорит:

— Я не понимаю разницы.

— Разница в том, что если я начну с твоего офиса, я никогда не узнаю, могу ли сама.

Он отходит к окну. Стоит спиной. Молчит. Потом поворачивается.

— Ты отказываешься от лучшего из принципа.

— Я отказываюсь от чужого. Это не принцип. Это моя жизнь.

Пауза. Долгая. Он смотрит на меня. Я не отвожу взгляд.

— Хорошо, — говорит он. — Но давай хотя бы обсудим.

— Обсудим. Но решать буду я.

Он кивает. Медленно. Будто через силу.

— Ты можешь высказать мнение, — говорю я. — Можешь помочь проверить договор. Можешь дать контакты. Но не решай за меня. И не трать деньги без моего согласия.

Он смотрит на меня.

— Мы женаты. Зачем нам эти формальности?

— Потому что формальности — это то, с чего мы начали.

Контракт. Правила. Контроль. Теперь нам нужно научиться

иначе.

Он молчит. Потом говорит:

— Ты не хочешь зависеть от меня даже в мелочах.

— Зависимость и близость — не одно и то же.

Он усмехается. Криво. Устало.

Но я знаю: он не привык. Ему будет трудно. И мне будет трудно.

Вечером сижу на кухне. Блокнот. Таблица.

«Аренда — сорок пять. Залог — двадцать две. Итого — шестьдесят семь. У меня — тридцать. Разница — тридцать семь».

Дописываю: «Ремонт — минимум двадцать. Материалы — десять. Транспорт — пять. Помощник на мероприятиях — десять за выход».

Цифры растут. Разница растёт.

Руслан приходит. Садится напротив. Смотрит на блокнот.

— Что считаешь?

— Расходы.

— И как?

— Не сходится.

Он тянется к блокноту. Я не отдаю.

— Я сама.

Он убирает руку.

— Хорошо.

Пауза. Потом он спрашивает:

— Чем я могу помочь?

Вопрос звучит непривычно. Смотрю на него.

— Посмотри договор, когда я его получу. Но не звони арендодателю. Не води переговоры от моего имени.

Он кивает.

— Хорошо.

Вижу, как он сдерживается. По челюсти. По тому, как выбирает слова.

— Спасибо, — говорю я.

Он пожимает плечами.

— Я учусь.

Телефон вибрирует на столе. Беру его. Арендодательница: «Извините, что поздно. Он тянул до вечера, но так и не привёз. Приходите завтра, подпишем».

Выдыхаю. Смотрю на экран. Улыбаюсь. Это ещё не победа. Но это шанс. Помещение, кажется, теперь моё.

Потом вижу второе сообщение. Незнакомый номер: «Здравствуйте. Мне посоветовали вас как декоратора. Нужно оформить семейный праздник. Можем обсудить?»

Вспоминаю: на прошлой неделе я помогала Лене с оформлением дня рождения её дочери. Просто так, без денег. Фотографии разошлись по чату. Видимо, оттуда.

Глава 3. Первый заказ

Телефон вибрирует на подоконнике, между горшком с базиликом и моими ключами. Я беру его мокрыми руками — только что вымыла Милину чашку, вода ещё стекает с запястья.

«Здравствуйте. Это - Марина Ковалёва. Мне посоветовали вас как декоратора. День рождения дочери, суббота. Бюджет ограничен, но хочется красиво».

Ограничен и красиво. Как будто это два разных языка, которые никогда не встречались.

Вспоминаю: на прошлой неделе я помогала Лене с оформлением дня рождения её дочери. Просто так, без денег. Фотографии разошлись по чату. Видимо, оттуда.

Я открываю блокнот. На чистом листе пишу: «Название».

Подчёркиваю. Смотрю. Название — это ведь не просто слово. Это то, что останется на вывеске, на визитке, в памяти клиента. Я перебираю в голове варианты, и каждый кажется либо слишком громким, либо слишком тихим.

«Студия Алины». Слишком просто. «Декор от А». Слишком сухо. «Праздник своими руками». Слишком честно.

Оставляю пустую строку. Вернусь к ней, когда пойму, что именно я продаю. Не ленты и не цветы. Что-то другое.

Звоню по номеру.

— Марина? Здравствуйте. Я по поводу дня рождения. Вы

писали.

— Да-да, — голос молодой, чуть торопливый. — Мне сказали, вы делали оформление у Лены. Мне так понравилось. Только у нас бюджет не как у них.

— Давайте я приеду, посмотрю площадку. Тогда и поговорим о бюджете.

— А когда?

— Сегодня. В два.

Пауза. Она считает в голове — работу, садик, пробки. Я знаю это молчание. Сама в нём живу.

— Хорошо. Пишите адрес.

Кафе на первом этаже жилого дома. Витрина вымыта до блеска, но внутри пахнет мокрой тряпкой и старым линолеумом. Кофе — только на вывеске. Под столом липнет к кроссовкам что-то, что я не хочу рассматривать.

Марина ждёт за столом у окна. Рядом с ней — девочка лет пяти, в платье с единорогом, которое явно велико на размер. Она смотрит на меня снизу вверх, как на врача.

— Это Соня, — говорит Марина. — У неё завтра день рождения. Ну, в субботу.

— Здравствуй, Соня.

Она прячет лицо в мамином рукаве.

Сажусь напротив. Достāju блокнот, кладу на стол. Марина косится на пустую страницу с подчёркнутым «Название» и быстро отводит взгляд.

— Сколько у нас места? — спрашиваю.

— Вот это всё. — Она обводит рукой зал. — Зал небольшой, но гости все поместятся. Проблема в том, что стены... — она запнулась. — Стены ужасные. Я думала, может, шарами закрыть? Или тканью?

Смотрю на стены. Бетон. Когда-то белый. В одном месте — потёк, похожий на карту неизвестного острова.

— Тканью можно, — говорю. — Но не закрывать. А перетянуть. Сделать так, чтобы это было частью замысла, а не попыткой спрятать.

Она моргает.

— Это как?

Я беру салфетку. Рисую прямоугольник зала. Потом — линию ткани по стене, не ровную, а волной. Сверху — гирлянду лампочек, не праздничных, а тёплых, как в старом кино.

— Здесь будет главная зона — стол для Сони. Не в центре. У окна. Свет. Вот здесь — фотозона, но без картона и без надписей «С днём рождения». Просто кресло, плед, гирлянда. Гости сами захотят там сфотографироваться. А стены...

Я останавливаюсь.

— А стены — под ткань. Но не сплошную. Полосами. Тогда будет похоже, что так задумано.

Марина разглядывает салфетку. Потом поднимает глаза.

— А сколько это стоит?

Она спрашивает быстро, будто боится, что если подумает

— не решится.

Вот он. Момент, где всё решается. Не вкус, не идея. Цифра.

Считаю в голове: ткань — три метра, недорогая, но плотная; гирлянды — две, можно взять в аренду; кресло — попрошу у мамы, она живёт в двух остановках; грузовое такси стоит пятьсот, но я договорюсь с соседом, у него фургон; плед — свой. Шары — Соня уже выбрала, розовые и белые, но я могу уговорить на другие, если будет общая гамма.

— Ткань и гирлянды — мои. Кресло привезу. Остальное — материалы. Соня, ты любишь розовый?

Девочка выглядывает из-за маминого локтя. Кивает.

— А если розовый будет не везде? Если он будет как... как секрет. Вот здесь — много. А здесь — только чуть-чуть. Так, чтобы гости искали его.

Она думает. Потом кивает снова, уже увереннее.

Марина смотрит на неё, потом на меня.

— Хорошо. Давайте попробуем.

Вечером я считаю на кухне. Мила спит, Руслан в кабинете — слышно, как стучит по клавиатуре.

Смета: ткань — четыре тысячи. Гирлянды — две, одна наша, вторую беру в аренду, триста. Шары — восемьсот. Крепления, ленты, запасной скотч — семьсот. Итого пять тысяч восемьсот.

Заказ — двенадцать тысяч.

Прибыль — шесть двести. Минус такси, минус время. Но это уже не ноль. Это уже что-то.

Я пересчитываю дважды. Потом третий раз. Цифры наконец двигаются.

Руслан входит на кухню с телефоном в руке. Смотрит на блокнот.

— Считаешь?

— Считаю.

— И как?

— Сходится.

Он молчит. Я вижу, как он читает строчки. Складка между бровей — та самая, что появляется, когда он хочет что-то сказать и решает, стоит ли.

— Тебе нужно оборудование, — говорит наконец. — Степлер для ткани, нормальные ножницы, может, свет. Я могу...

— Руслан.

Он останавливается.

— Я спрошу, если понадобится.

Смотрю на него. Он не отводит взгляда. Между нами — стол. На столе — блокнот. В блокноте — цифры, которые сходятся.

— Ладно, — говорит он. Слово выходит короткое, как выдох. И, кажется, впервые за день это «ладно» не значит «я всё равно сделаю по-своему». Просто «ладно».

Он наливает себе воды. Стоит у раковины, спиной ко мне.

Потом говорит, не оборачиваясь:

— Название придумала?

— Нет ещё.

— А какое хочешь?

Я смотрю на пустую строку. На подчёркивание.

— Не знаю. Что-то, что будет моим.

Он оборачивается.

— Это и так твоё.

— Не всё.

Пауза. Он не спорит. Но и не соглашается.

Я не отвечаю. Но плечи опускаются сами — не от его слов.

От того, что он не предложил мне три варианта на выбор. И от того, что рука с ручкой перестаёт сжимать её так сильно.

Суббота. Восемь утра. В зале пахнет свежей тканью и кофе из аппарата. Я приехала за два часа до гостей — как и планировала.

Ткань висит на стенах волнами. Гирлянды горят тёплым светом. Где-то за стеной гудит лифт — старый, с дребезгом, — и от этого звука зал кажется ещё тише. Кресло стоит у окна, на нём — мой плед, старый, но мягкий. Шары — розовые, но не везде. Секретом. Их три: один у входа, два у стола Сони.

Я делаю шаг назад. Смотрю.

Не идеально. Ткань в одном месте провисает. Одно крепление я прикрутила криво — торопилась, — и теперь оно

висит чуть выше остальных. Заметно, если приглядеться. Но я уже решила: не переделывать. Время дороже. Свечей не ставила: побоялась, что дети. Вчера, когда считала смету, заменила их на бумажные фонарики — дешевле и безопаснее.

Но это работает. Пространство дышит. Не зал, который пытались украсить. Место, где будет праздник.

Соня приходит первой. В том же платье с единорогом, но уже с бантом. Она застывает в дверях.

Смотрит на кресло. На шары. На ткань.

— Это... мне?

— Тебе.

Она бежит к креслу. Забирается на него с ногами. Плед под ней сбивается в комок — она не поправляет. Смотрит в окно — а там двор, деревья, утро.

— Мама! — кричит она. — Мама, иди сюда!

Марина входит. Останавливается. Смотрит на всё это — на кресло, на дочь, на свет.

— Господи, — говорит она тихо. — Это же... это же просто ткань.

— Да.

— И гирлянды.

— Да.

Она смотрит на меня. У неё блестят глаза — не от слёз. Может быть, она думала, что красивый праздник — это дорого. Может быть, нет. Но сейчас она видит свою дочь в правильном свете.

Гости приходят к обеду. Шумно, тесно, кто-то приносит торт, кто-то — пакет с яблоками. Дети носятся вокруг кресла, и Соня — в центре, как маленькая королева.

Я стою у стены. Не участвую. Просто смотрю.

Марина подходит ко мне.

— Алина.

— Да?

— Спасибо. Я думала, у нас не получится. Денег мало, зал ужасный. А получилось...

Она не договаривает. Я не помогаю ей.

— Я скажу знакомым, — говорит она. — У нас в садике многие ищут, кто может оформить.

Она не ждёт ответа. Я не даю.

Когда все уходят, я остаюсь. Снимаю ткань, складываю гирлянды, собираю шары.

Телефон вибрирует. Руслан: «Как прошло?»

Смотрю на экран. Думаю.

«Хорошо. Расскажу, когда приеду».

Убираю телефон. Смотрю на пустую стену — там, где была ткань. Бетон. Потёк. Но теперь я знаю, что с этим делать.

Дома Мила уже спит. Руслан сидит в гостиной с планшетом. Поднимает голову.

— Ну?

Я сажусь напротив. Рассказываю. Про Соню в кресле. Про

Марину у окна. Про ткань, которая провисла. Про то, что Марина обещала рассказать знакомым.

Он слушает. Не перебивает. Когда я заканчиваю, говорит:

— То есть ты сделала это сама. Без меня.

— Да.

— И клиент доволен.

— Да.

Он кивает. Медленно. Будто проверяет, не осталось ли у него ещё вопросов, которые можно задать.

Он откладывает планшет. Медлит. Я вижу, как он подбирает слова — или решает, что не скажет их. Предложить, посоветовать, дать контакт. Но не говорит.

— Я рад, — говорит он просто.

И это — не «я горжусь тобой». Не «я знал, что ты справишься». Просто «я рад».

Я не сразу встаю. Сначала смотрю на него — проверяю, не готовит ли он ещё одно предложение. Он не готовит. Тогда встаю. Подхожу. Целую в висок.

— Спасибо.

Он ловит мою руку.

— За что?

— За то, что не предложил помочь.

Он усмехается. Без привычной кривизны.

— Я предлагал.

— Один раз. И остановился.

Он не отвечает. Но руку не отпускает.

Утром я открываю блокнот. Смотрю на пустую строку.
«Название».

Беру ручку. Пишу.

«Своя территория».

Смотрю. Нет. Это не название. Это то, что я чувствую. А название должно быть про работу.

Зачёркиваю. Пишу снова.

«Студия Алины». Просто. Честно. Пока.

Закрываю блокнот. Кладу в сумку. Рядом — телефон, на котором уже висит сообщение от Марины: «Спасибо ещё раз. Соня весь вечер про кресло рассказывает».

Я смотрю на телефон. Потом на Милу, которая тянет ко мне руки из кровати. Потом на Руслана, который стоит в дверях с чашкой кофе.

— Что? — спрашивает он.

— Ничего. Просто думаю.

— О чём?

— О том, что если не сейчас, то когда.

Он не спрашивает, что именно «сейчас». Он просто кивает. И уходит на работу. А я остаюсь — с Милой, с блокнотом, с сообщением от Марины.

И с мыслью, что шесть двести — это не прибыль. Это доказательство. Остальное — вопрос времени.

Вечером, когда Мила уже спит, Руслан открывает ноутбук

в гостиной. Календарь деловых встреч на следующую неделю.

Я прохожу мимо с чашкой чая. Он не замечает.

На экране — список участников переговоров по инвестиционному проекту. Фамилии, должности, компании. Руслан ведёт пальцем по строчкам.

Останавливается. Палец замирает над строчкой. Я вижу только профиль — складку между бровей, чуть плотнее челюсть. Он дышит ровно.

— Что там? — спрашиваю.

Он поднимает голову. Смотрит. Челюсть дёргается — он решает, сказать или нет.

— Ничего, — говорит он. — Показалось.

Закрывает ноутбук. Слишком быстро.

Я не спрашиваю. Но запоминаю.

Утром, когда он уходит, я мельком вижу экран — он не закрыл вкладку. Список участников. Фамилии, которые я слышала от Руслана: партнёры, юристы, помощники. И одно имя, которого я не встречала никогда. Эльвира.

Я не знаю, кто она. Но по тому, как он закрыл ноутбук — слишком быстро, будто захлопнул дверь, — понимаю: это не просто имя в списке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.